
М. С. КОСТИН

«КРАСОЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 2015–2016 ГГ. В СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ*

В статье анализируются революционные события, произошедшие в Северной Македонии в 2015–2016 гг. Политический кризис возник не случайно: македонское общество было фрагментировано по вопросам идентичности, а правила политической конкуренции были неравными, что создавало дополнительные стимулы для организации протестов со стороны оппозиции. Массовые антиправительственные выступления привели к тому, что премьер-министр Н. Груевский, занимавший свой пост с 2006 г., ушел в отставку, а в стране были назначены досрочные парламентские выборы, по результатам которых правящая партия не смогла сформировать коалицию, и к власти пришла оппозиция. Помимо смены правительства, революция привела к изменению политики идентичности и названия страны, а также к ее вступлению в НАТО в 2020 г.

Ключевые слова: революция, Северная Македония, политическая система, национальная идентичность, протесты, политический кризис, «красочная революция».

Тип события: революция.

Тип революции: этнополитический, демократический¹. Можно отнести к разновидности «цветная революция».

Тип революции по форме и силам, ее совершающим: гражданское мирное революционное выступление.

* **Для цитирования:** Костин, М. С. 2023. «Красочная революция» 2015–2016 гг. в Северной Македонии. *История и современность* 3: 55–72. DOI: 10.30884/iis/2023.03.03.

For citation: Kostin, M. S. 2023. The 2015–2016 “Colorful Revolution” in North Macedonia. *Istoriya i sovremennost’ = History and Modernity* 3: 55–72. DOI: 10.30884/iis/2023.03.03 (in Russian).

¹ Этнополитическим можно назвать тип, когда в разделенной по этническому признаку стране резко усиливается проблема идентификации, то есть определения внешнеполитического курса и внешнеполитической ориентации. В какой-то мере это напоминает ситуацию на Украине в 2013 г., когда перед страной стоял выбор: ориентация на Западную Европу или Евразийский союз (см.: Гринин, Коротаев 2023).

Длительность: первая фаза: 5–18 мая 2015 г. (5–17 мая 2015 г. – протесты оппозиции; 18 мая – проправительственные акции); вторая фаза: 12 апреля – 20 июня 2016 г.

Повод: публикация с января 2015 г. информации о нелегальной прослушке граждан Македонии; прекращение расследования о прослушке в апреле 2016 г.; публикация записи о том, как МВД страны пыталось скрыть факт убийства молодого человека полицейскими в Скопье в 2011 г.

Причины: авторитаризм, коррупция, противоречия, связанные с политикой идентичности.

Политические силы (лидеры) во главе события: Социал-демократический союз Македонии, движение «Протестирам».

Вмешательство (помощь) извне: вмешательство извне должно было иметь место, так как политический вопрос о названии и идентичности был тесно связан с возможностью присоединения к НАТО, что является предметом интереса для США и других стран. Вероятно, имело место и прямое инспирирование событий, но полностью достоверных данных нет; наблюдалось явное посредничество (скорее, давление) Европейского союза в урегулировании политического кризиса. Также наблюдалось открытое вмешательство во внутренние дела в 2016 г., когда президент страны подвергся критике со стороны США и Евросоюза.

Результат: отставка премьер-министра Н. Груевского; правящая партия не смогла сформировать коалицию по итогам выборов в 2016 г., и к власти пришла оппозиция; последующее изменение названия страны и смена ее военного статуса.

Вооруженное или невооруженное выступление: невооруженное.

Степень ожесточения: бескровная.

Количество жертв: без жертв.

Символы/лозунги: разноцветные краски (протестующие забрасывали здания государственных учреждений красками; атрибутика протестующих с нанесенными разноцветными красками); изображение с поднятым вверх кулаком в красках; македонские и албанские флаги; лозунги: «Убийцы!» (характерно для первого дня протестов в 2015 г.), «Прощай, Никола!», «Отставка!», «No justice, no rease» («Нет правосудия – нет мира»), «Груевского в тюрьму».

События в Северной Македонии 2015–2016 гг. вписываются в тенденцию, наблюдавшуюся в 2012–2016 гг. в Юго-Восточной Ев-

ропе: в целом ряде государств региона (Болгария в 2013–2014 гг.; Босния и Герцеговина в 2014 г.; Словения в 2012–2013 гг., Румыния в 2012 и 2015 гг.; Молдавия в 2014–2015 гг.) проходили серии антиправительственных демонстраций с массовой мобилизацией, что в большинстве случаев приводило к отставке правительства в той или иной стране (о некоторых из этих событий см.: Костин 2020). Даже несмотря на значительную поддержку среди населения, правительство Николы Груевского в Северной Македонии также было вынуждено уйти в отставку после массовых протестов, охвативших страну в 2015–2016 гг.

В первой части данной статьи будут проанализированы некоторые социально-политические особенности Македонии к моменту начала протестов для описания общего политического контекста событий. Во второй части будут рассмотрены непосредственно протесты на основе новостных сообщений и литературы.

Политическая система Северной Македонии и проблемы идентичности

Политической системе Северной Македонии присущи черты, характерные для многих государств Балканского региона (Kmezić 2020): гибридный характер политического режима, высокий уровень коррупции и клиентелизма, низкий уровень верховенства права, электоральные махинации и давление на СМИ. Вдобавок к слабо развитым демократическим институтам в стране ярко выражены социетальные размежевания по этнической линии и идентичности, что находит свое отражение в партийной системе и периодически возникающей политической напряженности. В совокупности слабые демократические институты и раздробленное по вопросам идентичности общество послужили благоприятной средой для возникновения политического кризиса в 2015–2016 гг.

Политический режим в Северной Македонии зачастую рассматривается как пример неудачной демократизации – несмотря на появление в республике политической конкуренции и сменяемости власти, Северная Македония так и не стала консолидированной демократией. Б. Гюзелов и М. Хадиевска рассматривают политическое развитие Северной Македонии как показательный пример страны, которая сошла с пути демократизации в результате монополизации власти и недобросовестного использования государственных ресурсов правящей партией (Gjuzelov, Hadjevska 2020). Авторы выделяют ключевые институциональные особенности «не-

либеральной политики» в Македонии, которые создали неравные условия для политической конкуренции в 2006–2016 гг.

Среди этих особенностей выделяются:

- Неравный доступ к ресурсам – как финансовому, так и административному, благодаря которому происходила мобилизация сторонников правящей партии. В качестве примера авторы приводят то, что правившая в 2006–2016 гг. партия «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» (ВМРО-ДПМНЕ) имела финансирование, в пять раз превышавшее финансирование ее ближайшего конкурента – Социал-демократического союза Македонии (СДСМ). В том, что касается административного ресурса, международные организации, такие как ОБСЕ и ЕС, неоднократно фиксировали принуждение избирателей к голосованию.

- Неравный доступ к СМИ – основные СМИ страны редко публиковали критические по отношению к правящей партии комментарии; количество независимых СМИ было ограниченным; ряд наиболее влиятельных телеканалов и газет постепенно перешли под контроль бизнеса, лояльного правительству; отмечались случаи давления на оппозиционные каналы и журналистов (к примеру, закрытие одного из крупнейших частных каналов А1 TV).

- Отсутствие верховенства права – правящая партия пользуется привилегированным положением, контролирует судебную ветвь власти и надзорные органы, что позволяет скрывать коррупционные махинации, осуществлять нажим на оппозицию и неугодных журналистов.

Таким образом, политическая конкуренция в Северной Македонии хоть и есть, но ее условия крайне неравны. С другой стороны, как указывает Д. Капиджич, в Северной Македонии нет также и мощного государственного аппарата принуждения, который мог бы подавить оппозицию. В результате оппозиции проще выступать против правящей партии, чем в более жестких авторитарных режимах (Kapidžić 2020: 6). В целом, пользуясь терминологией С. Левитски и Л. Вея, политический режим в Северной Македонии можно охарактеризовать как соревновательный авторитаризм – то есть режим, находящийся между авторитаризмом и демократией, при котором демократические нормы действуют, но систематически нарушаются, создавая тем самым неравные правила политической игры (Levitsky, Way 2002: 53). Сосуществование демократических норм и авторитарных практик в подобных режимах создает потен-

циал для нестабильности, так как инкубент не может открыто нарушать существующие нормы для подавления оппонентов (Levitsky, Way 2002: 59). В Македонии же лагерь оппонентов был достаточно сплоченным, с СДСМ в центре оппозиционной коалиции, что уже позволяло оппозиции действовать более решительно (Laštgo, Bieber 2021). Как видно из проведенных количественных исследований, именно в режимах, которые не являются консолидированными демократиями или полноценными автократиями, наиболее часто наблюдаются случаи дестабилизации (Коротаев и др. 2020). Македония образца 2015–2016 гг. – яркий тому пример.

В политической системе Северной Македонии также ярко выражено этническое размежевание, которое в значительной степени формирует партийную систему страны. А. Гюлке рассматривает этнический фактор как один из тех, которые приводят к глубоко разделенным обществам (*deeply divided societies*), причем этнические размежевания несут большую опасность вылиться в конфликт (Guelke 2012). В подобных условиях формируется модель этнического разделения власти (*ethnic power-sharing*), при которой обеспечивается сбалансированная репрезентативность основных этнических групп во власти для предотвращения возможных конфликтов (Adekanye 1998: 33). В случае с Македонией, однако, модель *power-sharing* очень нестабильна ввиду сильно выраженного национализма как со стороны албанского меньшинства, так и со стороны македонского большинства (Maleska 2013).

Большую часть населения республики составляют македонцы, относящиеся к славянскому этносу. На севере компактно проживает вторая по величине группа населения: албанское меньшинство, которое составляет около четверти населения страны. Политическая активность делает его значимым участником политической жизни. В результате в Македонии, являющейся парламентской республикой, сложилась партийная система, при которой правящая коалиция состоит, как правило, из македонской и албанской этнических партий. Крупнейшими македонскими партиями являются СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ, албанскими – Демократическая партия албанцев (ДПА) и Демократический союз за интеграцию (ДСИ).

При распаде Югославии на территории Северной Македонии, в отличие от большинства югославских республик, не возникло серьезных вооруженных конфликтов, а представители крупнейшего этнического меньшинства, албанцы, сразу же получили возможность участвовать в политике. Тем не менее между албанским

меньшинством и македонцами существовал ряд противоречий: албанцы выступали за предоставление своему этносу больших прав, большей автономии в составе Македонии, а позднее и за создание албано-македонской федерации (Клименко 2015). В итоге в 2001 г. противоречия вылились в вооруженный конфликт между повстанческими формированиями албанской организации «Освободительная национальная армия» (ОНА) и македонским правительством. По завершении конфликта при посредничестве ЕС, ОБСЕ и НАТО между сторонами конфликта было заключено Охридское соглашение, в соответствии с которым в стране была проведена децентрализация, усилено местное самоуправление, принимались меры по повышению репрезентативности этнических меньшинств на госслужбе, осуществлена реформа образования для защиты прав албанского меньшинства и введен ряд иных поправок к законодательству (OSCE 2001). ОНА была распущена и реформатирована в крупнейшую албанскую политическую партию, которая с 2008 г. до недавнего времени являлась членом каждой правящей коалиции, – Демократический союз за интеграцию. Эта партия выступает за полную имплементацию Охридских соглашений и расширение прав албанского меньшинства. Таким образом, албанский фактор является важным элементом македонской политической системы.

Еще один значимый сюжет – это вопросы национальной идентичности, находящие свое отражение в различных направлениях политики и идеологии, которые выбрали две основные македонские партии – ВМРО-ДПМНЕ и СДСМ. Как отмечает И. Ли́ка, СДСМ продвигает полиэтничный дискурс и позиционирует Северную Македонию как славянское государство, в то время как ВМРО-ДПМНЕ использует моноэтничный нарратив и видит в современной Македонии наследницу античной Македонии (Liќa 2021: 14). Это приводит к разногласиям по ключевым вопросам политики, таким как вступление в ЕС и НАТО. Хотя обе партии выступают за евроатлантический курс, спор с Грецией² из-за на-

² Греция не признает название «Македония», так как в Афинах считают, что такое название соседней страны могло бы стать основной для территориальных претензий к Греции, где есть историческая область Македония. Помимо этого, Греция считает, что своим названием, отсылающим к античной Македонии, современная Македония посягает на национальную идентичность страны. В этой связи Греция блокировала переговоры о вступлении Македонии в ЕС и НАТО. В результате в 2018 г., уже при правительстве СДСМ, страна изменила название на «Северная Македония» и в 2020 г. вступила в НАТО. Македонская идентичность также ставится под вопрос в соседней Болгарии – София считает македон-

звания «Македония» выявил разные подходы: СДСМ выступали за гибкий подход и возможность переименования государства, в то время как ВМРО-ДПМНЕ отстаивали прежнее название в ущерб вступлению страны в евроатлантические структуры.

Социологические исследования показывают, что в конце 2000-х – начале 2010-х гг. в Македонии наблюдался тренд все большей поляризации по вопросам идентичности: процент граждан, которые ассоциируют себя с этнической группой, увеличился с 14 % в 2006 г. до 24 % в 2011 г., в то время как процент респондентов, идентифицирующих себя прежде всего как граждан Македонии, снизился с 51 % до 47 %. При этом, как указывают авторы исследования, заметно, что македонцы как этническая группа более склонны идентифицировать себя в качестве граждан, чем представители этнических меньшинств, которые склонны иметь параллельную, этническую идентичность (Atanasov, Simoska 2013).

Протесты 2015 г.

После вооруженного конфликта 2001 г. и до 2015 г. протесты в Македонии возникали по разным причинам. В 2011 г. по стране прокатилась волна протестов против полицейского насилия после убийства полицейскими молодого человека во время народных гуляний по случаю выборов. Возникали протесты и на этнической почве: так, арест лиц албанской национальности по подозрению в убийстве пятерых граждан македонской национальности в 2012 г. вызвал протесты среди албанского населения и межэтнические столкновения (протесты по этому делу возобновились в 2014 г.); в 2013 г. прошли выступления этнических албанцев по поводу назначения противоречивой фигуры, бывшего полевого командира Т. Джафери, министром обороны страны. В 2014 г. в Скопье прошли массовые студенческие демонстрации против нового закона о выпускных экзаменах в университетах, которые в какой-то мере подготовили общество к последующему политическому кризису (Vankovska 2020: 10). Как правило, партийная принадлежность в таких выступлениях не афишировалась, требований отставки прави-

ский язык диалектом болгарского, а македонцев, соответственно, частью болгарского народа, что тоже приводило к блокировке переговоров о вхождении страны в Евросоюз. Как представляется, проблемы идентичности не случайно играют большую роль во внутривнутриполитических процессах в Македонии: помимо сложных межэтнических отношений внутри страны, сама национальная идентичность македонского государства подвергается постоянному оспариванию извне.

тельства не звучало, и они, по всей видимости, в основном возникли стихийно. Однако протесты 2015–2016 гг. имели иной характер – они были результатом организованной оппозицией кампании с явной целью борьбы за власть.

При этом нужно отметить, что социально-экономическое положение страны в тот период не было кризисным: скорее наоборот, по данным Всемирного банка, после кризиса 2008 г. наметились экономический рост (3,7 % в 2015 г.), снижение потребительских цен (инфляция по индексу потребительских цен в 2015 г. составила –0,3 %) и сокращение безработицы на 10 % по сравнению с 2008 г. (которая, правда, все еще оставалась на высоком уровне: 23 % в 2016 г.). Тем не менее социально-экономические мотивы могли быть дополнительным стимулом для людей выходить на улицы, так как несмотря на улучшающееся положение, экономика Македонии имела еще ряд проблем, но они не являлись основной мотивацией протестующих. Данная ситуация подчеркивает, что революция в Македонии может рассматриваться как разновидность цветной, а значит, по всей видимости, имело место определенное внешнее влияние на происходящие события.

Согласно определению Л. Е. Гринина и А. В. Коротаяева (2021), цветная революция – революционное событие, которое происходит хотя и под влиянием внутреннего развития, кризиса, складывания революционной ситуации, оправданного недовольства правительствам и т. п., но обязательно: (а) при сильном кураторстве (обучении, разработке стратегии и тактики, разнообразной помощи, включая предоставление убежища, ресурсов и т. п.) иностранных держав, политических сил или организаций, поддерживаемых извне; (б) безусловной поддержке со стороны иностранных сил революционных акций, независимо от действий революционеров, путем дипломатического, информационного, иного (например, санкционного) давления на страну, в которой происходят революционные события; (в) в интересах иностранных союзников и кураторов революции, где обязательно присутствует стремление получить военно-стратегические, геополитические, экономические дивиденды. При этом, конечно, совсем не обязательно, чтобы все пункты были в наличии одновременно. Но надо учитывать, что обычно причинами революций объявляются: обвинение власти в коррупции (как правило, полностью справедливое) и требование обновления; обычным также является обвинение в подтасовке выборов; довольно частое требование – ориентация на Запад; а также наличие специ-

ального названия и выразительного символа. Название «красочная революция» и символика полностью идентичны другим цветным революциям.

Напряженность между крупнейшими македонскими партиями, СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ, возникла на протяжении периода пребывания последней у власти. В 2014 г., после парламентских выборов, на которых ВМРО-ДПМНЕ получила 61 из 123 мест, СДСМ не признал итоги выборов и бойкотировал парламент. На фоне обострившихся противоречий между правящей партией и оппозицией лидеру СДСМ Зорану Заеву были предъявлены обвинения в подготовке госпереворота, и в январе 2015 г. оппозиция начала публиковать данные о прослушке тысяч македонских граждан, в том числе оппозиционных политиков, журналистов и общественных деятелей, со стороны властей³ (MacDowall 2015). Данные публиковались порциями на протяжении нескольких месяцев, и одна из публикаций привлекла к себе наибольшее внимание со стороны общественности.

Непосредственным поводом к началу протестов послужили записи о том, как МВД страны пыталось скрыть факт убийства молодого человека полицейскими в Скопье в 2011 г. во время народных гуляний после выборов (что, как указывалось выше, уже вызывало массовое народное возмущение). Публикации были на руку оппозиции и появились очень вовремя. 5 мая 2015 г. около двух тысяч человек вышли на центральные улицы Скопье с требованиями отставки правительства и вступили в столкновения с полицией – протестующие поджигали мусорные баки и закидывали полицейских камнями (Macedonian... 2015). В результате 38 полицейских получили ранения, а 30 протестующих были задержаны. Изначально это был протест против полицейского насилия (основным лозунгом в первый день был «Убийцы!»), однако политическая подоплека была видна с самого начала: если в первый день оппозиция не участвовала в демонстрациях, но выказывала свою поддержку, то уже на следующий день СДСМ заявил о том, что присоединится к протестующим.

³ Достоверной и однозначной информации касательно источника аудиозаписей не имеется: Заев заявлял, что файлы с аудиозаписями ему передал некий осведомитель из МВД страны, в то время как со стороны Груевского звучали обвинения в том, что аудиозаписи сфабрикованы неназванными иностранными спецслужбами (если эти обвинения когда-то подтвердятся, это будет дополнительным аргументом в пользу классифицирования «красочной революции» в качестве цветной).

стам, и наметил подготовку к массовому выступлению сторонников 17 мая 2015 г.

На фоне начавшихся протестов в столице 9 мая 2015 г. во втором по величине македонском городе Куманово, где проживает значительное албанское население, произошло вооруженное столкновение полиции и неназванной вооруженной албанской группировки, в ходе которого несколько полицейских и албанских повстанцев (предположительно, из Косово) были убиты. Данный инцидент вызвал взаимные обвинения с обеих сторон и обострил политический кризис в стране (Georgievski 2015a).

8–10 мая 2015 г. были созданы зонтичные антиправительственные движения «Граждане за Македонию» (ГЗМ) и «#Protestiram» («Протестую»); в них входили различные НКО и представители гражданского общества, многие из которых участвовали в прошедших протестных кампаниях. Причем если второе движение было менее подвержено влиянию партий, то первое включало в себя ряд оппозиционных партий. Так или иначе, СДСМ выступал с публичной поддержкой движений, которые использовали разные методы для мобилизации протестующих, но декларировали одну цель – это отставка Н. Груевского и назначение переходного правительства (Vankovska 2020).

Начальник МВД и глава спецслужб страны ушли со своих постов на фоне протестов, а оппозиция начала переговоры с правящей партией, которые, однако, ни к чему не привели. З. Заев заявил, что протесты продолжатся до тех пор, пока Груевский не уйдет со своего поста. Самые масштабные выступления были назначены и проведены 17 мая в Скопье – около 60 тыс. человек вышли на улицы с требованием отставки правительства (Magusic 2015). Примечательно, что протестующие поднимали как македонские, так и албанские флаги, показывая единство этнических македонцев и албанцев, что подчеркивает гражданский характер протеста в противовес этническому. Среди лозунгов на плакатах выделялись «Прощай, Никола!» и «Отставка!» (*Ibid.*). На следующий день, 18 мая 2015 г., схожие по численности демонстрации были проведены в поддержку действующего правительства.

Протесты завершились после вмешательства извне. К урегулированию ситуации подключился Европейский союз, который на протяжении кризиса наблюдал за ходом событий и призывал стороны к сдержанности. ЕС выступил посредником на переговорах между ВМРО-ДПМНЕ и СДСМ, в ходе которых стороны пришли

к соглашению, в соответствии с чем было решено следующее (Georgievski 2015b):

- будет назначен специальный прокурор для проведения расследования в отношении материалов по прослушке;
- СДСМ вернутся в парламент в сентябре;
- в январе Н. Груевский должен будет уйти в отставку.

Так внешний фактор оказал прямое влияние на исход политического кризиса в Македонии. Некоторыми авторами (Vankovska 2020) высказывается мнение, что ЕС и США были заинтересованы в отставке Груевского, так как СДСМ являлся более гибким в вопросе о названии страны, который блокировал вхождение Македонии в состав НАТО. Тема иностранного вмешательства поднималась македонскими СМИ и властями. В особенности подчеркивалось предположительное влияние фонда «Открытое общество» Дж. Сороса на протесты. Фонд действует в Македонии со времен обретения независимости и имеет там свое отделение. В 2016 г., незадолго до потери власти в ходе выборов, ВМРО-ДПМНЕ заявила о необходимости проведения проверок ряда НКО, которые связаны с Фондом. Открытых данных о масштабах финансирования Фондом некоммерческого сектора в период до и во время протестов автору найти не удалось. Имеются лишь данные по средствам, которые были переданы фонду Агентством по международному развитию США (USAID): была проспонсирована программа *Civil Society Project* в период с 2012 по 2016 г., в рамках которой четыре НКО получили 4,8 млн долларов. Данные НКО занимались исследованиями, проводили антикоррупционные кампании и журналистские расследования, тренинги для активистов в сфере надзора за независимостью суда, отстаивания прав меньшинств, использования социальных сетей и т. п. (USAID 2021), но не были вовлечены непосредственно в протесты. Говорилось также об участии в подготовке «красочной революции» представителей восходящего к знаменитому сербскому молодежному движению «Отпор!» Центра прикладной ненасильственной стратегии и действия – CANVAS (Vankovska 2020; о роли этого центра в организации цветных революций см.: Filin *et al.* 2022). Тем не менее заявления правящей партии и Н. Груевского, что кризис был подготовлен из-за рубежа, нельзя считать полностью доказанными – но в любом случае можно говорить о том, что западные страны воспользовались уже сложившейся нестабильной политической обстановкой для влияния

на дальнейший ход событий через посредничество (точнее, давление под видом посредничества) между сторонами конфликта.

Протесты 2016 г.: «красочная революция»

Отставка Н. Груевского не смогла предотвратить продолжение кризиса. Протесты возобновились после того, как президент страны Г. Иванов снял обвинения со всех политиков, против которых велось специальное расследование. Критика действий президента звучала как внутри страны, так и из Вашингтона и Брюсселя. Целями протестующих на этот раз являлись возобновление расследования, отставка Иванова и перенос выборов с июня на более поздний срок (Dillon 2016).

Протесты 2016 г. отличались большей продолжительностью (с 12 апреля по 26 июля) и наличием особой символики: протестующие закидывали определенного рода (см. ниже) памятники и правительственные здания шарами с разноцветными красками, из-за чего сразу же возникло название «красочная революция». Цветная символика была распространена на протяжении всей кампании – цветные футболки, плакаты (к примеру, одним из символов было изображение поднятого вверх кулака, по которому разбрызганы разноцветные краски. Примечательно, что это изображение напоминало символику известного сербского революционного движения «Отпор», которое сыграло решающую роль в свержении С. Милошевича в 2000 г. [ср.: Filin *et al.* 2022]). Были популярны такие лозунги, как «No justice, no rease» и «Груевского в тюрьму».

Мишенью протестующих не случайно стали памятники и здания госучреждений – это было своего рода несогласие с той политикой идентичности, которую проводила действующая партия, а также с расточительством правительства и коррупцией. Одним из направлений политики идентичности ВМРО-ДПМНЕ была так называемая «антиквизация» – политика, использующая нарратив о прямой связи между современной и античной (греческой) Македонией. При Н. Груевском главный аэропорт Македонии получил имя Александра Македонского, а крупнейший стадион в Скопье был назван в честь Филиппа Македонского. Правительство выделяло значительные средства на установку памятников, музеев и других зданий в античном стиле в рамках проекта «Скопье-2014» – почти полмиллиарда евро было потрачено на строительство 24 зданий и 34 памятников в столице, не считая иных расходов, связанных с проектом (Skorje... 2014). Это спровоцировало критику как

в оппозиции, так и среди общественности⁴. Затратный проект также вызывал множество подозрений с точки зрения прозрачности распределения средств, а возводимые памятники и представленные в музеях экспонаты практически не представляли албанское этническое меньшинство (Hopkins 2016). Политика антиквизации использовалась для мобилизации титульной нации – македонцев, однако в итоге привела к углублению межкультурных и политических противоречий в обществе (Stefoska, Stojanov 2017).

Антиправительственные протесты организовывались СДСМ и «Протестирам», однако были также видны и этнические по характеру демонстрации, организуемые албанской партией ДПА. Массовые албанские выступления, в частности, прошли 22 апреля. Протестующие выкрикивали лозунги против Груевского, который уже ушел со своего поста, но оставался главой ВМРО-ДПМНЕ, и Али Ахмети – главы албанской партии ДСИ, которая входила в правящую коалицию (Marusic 2016). ДПА выдвигали требования введения албанского языка в качестве официального наравне с македонским. При этом сторонники партии критиковали ДСИ за то, что за годы в коалиции последняя не смогла адекватно продвигать интересы албанского населения.

Как и в 2015 г., в данный период были организованы проправительственные контрпротесты, которые также носили массовый характер. Основной нарратив правительства и проправительственных гражданских организаций состоял в том, что оппозиция пользуется поддержкой и управляется из-за рубежа (в частности, особый упор делался на провозглашаемую большую роль Фонда Сороса в проведении антиправительственных выступлений). Тем не менее, несмотря на то что проправительственные организации, такие как «Гражданское движение в защиту Македонии», «За единую Македонию» и «Стоп “Операции Сорос”», смогли мобилизовать сторонников на контрпротесты, их активность не была достаточно продолжительной во времени и не имела широкого географического охвата по сравнению с антиправительственными выступлениями (Rizankoska, Trajkoska 2017).

Под нажимом протестующих парламентские выборы были перенесены на неопределенный срок, а расследование возобновилось.

⁴ Македония – одна из беднейших стран Европы с высоким уровнем безработицы. На фоне не слишком благоприятной экономической ситуации подобные траты вызывали недовольство.

По итогам выборов, которые состоялись в декабре 2016 г., больше всех голосов набрала ВМРО-ДПМНЕ – 38,1 %. СДСМ получил 36,7 % голосов, значительно сократив разрыв по сравнению с выборами 2014 г. Решающим фактором оказались албанские партии – ДСИ в этот раз отказалась войти в коалицию с ВМРО-ДПМНЕ. В итоге после продолжительных переговоров в марте 2017 г. коалиция была сформирована СДСМ и двумя албанскими партиями – ДСИ и Альянсом албанцев. Кресло премьер-министра занял лидер СДСМ З. Заев.

Заключение

События в Македонии (теперь уже – Северной Македонии) можно охарактеризовать как революцию, исходя из следующего определения, данного Л. Е. Грининым и А. В. Коротаевым: революция – «антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Гринин, Коротаев 2020: 856). Она вполне подпадает и под определения революции Дж. Голдстоуна и Г. Лоусона: «[Революция – это] попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Голдстоун 2006: 61); «Революция – это коллективная мобилизация, которая пытается быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» (Lawson 2019: 5).

Тип «красочной революции» по целям и движущим силам, как уже сказано выше, может быть охарактеризован как этнополитический.

По своему характеру данная революция схожа с теми революциями, что проходили в контексте первой революционной волны XXI в. (2000–2009 [Гринин 2021; Устюжанин и др. 2021]) и получили название цветных (Goldstone *et al.* 2022), однако выходит за хронологические рамки этой волны. Основные характеристики цветных революций, такие как высокая мобилизационная роль молодежных движений (#Protestiram), преимущественно ненасиль-

ственный характер, продемократические и прозападные настроения, яркая символика, прослеживаются в македонском кейсе. При этом степень иностранного вмешательства здесь требует дальнейших исследований.

Революция в Северной Македонии не относится ни к одной крупной волне (хотя ее можно связать с мини-волной 2013–2014 гг., захватившей прежде всего именно гибридные режимы⁵), но некоторые ее истоки лежат в событиях начала 1990-х гг., когда Социалистическая Федеративная Республика Югославия оказалась взорванной этнодемократическими революциями, а новые государственные границы породили и новые проблемы.

Политический кризис в Македонии, как мы увидели, включал в себя и массовую мобилизацию, и антиправительственный характер выступлений с явной целью свержения действующей власти и прихода к власти оппозиционной партии СДСМ. При этом оппозиционные политики обещали изменить характер политических институтов, для того чтобы сделать их более прозрачными и соответствующими демократическим стандартам. Хотя «свержения» в чистом виде не произошло – правящая партия на выборах получила большинство голосов, но не смогла сформировать коалицию, – протесты привели к досрочным парламентским выборам, отставке одного из наиболее влиятельных македонских премьер-министров Н. Груевского, а также к распаду правящей коалиции и большей популярности оппозиционного СДСМ. Последующее изменение вектора политики страны с националистического на более евроатлантический и мультикультурный также можно считать проявлением «красочной революции»: кульминацией этого стало переименование страны в 2018 г. и вступление в НАТО в 2020 г.

Литература

Голдстоун, Дж. А. 2006. К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5(56): 58–103.

Гринин, Л. Е. 2021. Новая волна революционных процессов в афразийской макроне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 70–89.

⁵ См.: Коротаев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2015.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2020. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 854–861.

2023. Теория революции и методология анализа в приложении к революционным событиям XXI в. *История и современность* 3: 5–27. DOI: 10.30884/iis/2023.03.01.

Клименко, З. И. 2015. Албанский вопрос в Македонии. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 4: 38–47.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Васильев, А. М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(376): 119–127.

Коротаев, А. В., Сойер, П. С., Гринин, Л. Е., Романов, Д. М., Шишкина, А. Р. 2020. Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных. *Социологический журнал* 26(4): 61–78.

Костин, М. С. 2020. Некоторые революционные эпизоды и движения XXI в. в Восточной Европе. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 931–943.

Устюжанин, В. В., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2021. Революционные события XXI века в афразийской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 106–144.

Adekanye, J. 1998. Power-sharing in Multi-ethnic Political Systems. *Security Dialogue* 29(1): 25–36.

Atanasov, P., Simoska, E. 2013. Old/New Identities – the Case of Macedonia. *European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities* 2(3): 40–52.

Dillon, C. 2016. Protesters Hit Macedonia’s Capital with Paint Balls and Soap Suds in a “Colorful Revolution”. *Deutsche Welle* April 20. URL: <https://www.dw.com/en/protesters-hit-macedonias-capital-with-paint-balls-and-soap-suds-in-a-colorful-revolution/a-19201617>.

Filin, N., Khodunov, A., Koklikov, V. 2022. Serbian “Otpor” and the Color Revolutions’ Diffusion. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 465–482. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_17.

Georgievski, B.

2015a. Macedonia Killings Exacerbate Political Crisis. *Deutsche Welle* May 11. URL: <https://www.dw.com/en/macedonia-killings-exacerbate-political-crisis/a-18443806>.

2015b. EU Mediation Helps End Political Deadlock in Macedonia. *Deutsche Welle* July 15. URL: <https://www.dw.com/en/eu-mediation-helps-end-political-deadlock-in-macedonia/a-18585549>.

Gjuzelov, B., Hadjievska, M. 2020. Institutional and Symbolic Aspects of Illiberal Politics: The Case of North Macedonia (2006–2017). *Southeast European and Black Sea Studies* 20(1): 41–60.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_1.

Guelke, A. 2012. *Politics in Deeply Divided Societies*. New York: Polity Press.

Hopkins, V. 2016. Let Them Eat Alexander the Great Statues. *Foreign Policy* June 19. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/06/19/let-them-eat-alexander-the-great-statues-skopje-2014-macedonia-colorful-revolution/#>.

Kapidžić, D. 2020. The Rise of Illiberal Politics in Southeast Europe. *Southeast European and Black Sea Studies* 20(1): 1–17.

Kmezić, M. 2020. Rule of Law and Democracy in the Western Balkans: Addressing the Gap between Policies and Practice. *Southeast European and Black Sea Studies* 20(1): 183–198.

Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, J. 2015. Center-periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

Lawson, G. 2019. *Anatomies of Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Laštro, C., Bieber, F. 2021. The Performance of Opposition Parties in Competitive Authoritarian Regimes: Three Case Studies from the Western Balkans. *European Political Science* 20(4): 617–629.

Levitski, S., Way, L. 2002. The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy* 13(2): 51–65.

Lika, I. 2021. Nationhood Cleavages and Ethnic Conflict: A Comparative Analysis of Postcommunist Bulgaria, Montenegro, and North Macedonia. *Mediterranean Politics* 2021: 1–21.

MacDowall, A. 2015. Fears for Macedonia's Fragile Democracy amid "Coup" and Wiretap Claims. *The Guardian* February 27. URL: <https://www>.

the-guardian.com/world/2015/feb/27/fears-macedonias-fragile-democracy-amid-coup-wiretap-claims.

Macedonian Protesters Demand Resignation of Cabinet, Clash with Police. 2015. *Reuters* May 6. URL: <https://www.reuters.com/article/us-macedonia-government-protests-idUSKBN0NQ2BH20150505>.

Maleska, M. 2013. Multiethnic Democracy in Macedonia: Political Analysis and Emerging Scenarios. *New Balkan Politics* 13: 29–41.

Marusic, S. J.

2015. Macedonians Stage Mass Protest for PM's Resignation. *The Balkan Insight* May 17. URL: <https://balkaninsight.com/2015/05/17/macedonia-braces-for-big-anti-government-protest/>.

2016. Macedonia Albanians Rally Against Government. *The Balkan Insight* April 22. URL: <https://balkaninsight.com/2016/04/22/macedonia-albanians-rally-against-government-04-22-2016/>.

OSCE. 2001. Ohrid Framework Agreement. URL: <https://www.osce.org/skopje/100622>.

Rizankoska, J., Trajkoska, J. 2017. The Colorful Revolution and the Movement for a Shared Macedonia, Symbols of an Awakening Participatory Civic Culture or Indicators of Deep Party Divisions in Macedonian Society? – A Case Study – Prilep. *Political Thought* 53: 5–27.

Skopje 2014 Uncovered Database. URL: <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/en>.

Stefoska, I., Stojanov, D. 2017. A Tale in Stone and Bronze: Old/New Strategies for Political Mobilization in the Republic of Macedonia. *Nationalities Papers* 45(3): 356–369.

USAID. 2021. *Civil Society Project*. URL: <https://www.usaid.gov/macedonia/fact-sheets/civil-society-project-csp>.

Vankovska, B. 2020. The Chimera of Colorful Revolution in Macedonia: Collective Action in the European Periphery. *Balkanologie* 15(2): 47–59.